

НА МОСКОВСКОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

17 января на утреннем заседании с большим докладом Центрального Комитета ВКП(б) выступил секретарь ЦК и МП т. Л. М. КАГАНОВИЧ.

Литературная Газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РОССС.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. ВАГРИЩЕВО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДЯНА, А. СЕЛЫВАНОВСКОГО, Я. СЕЛЫВАНОВА, М. СУБОЖКО, М. СЕВЕРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. УСИВИЧА.

№ 5 (320)

20 ЯНВАРЯ 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ВЫШЛА КНИГА О БЕЛОМОРСТРОЕ

Сегодня редакция сборника о Беломорстрое получает из типографии им. Ворского первый контрольный экземпляр книги.

Московская областная и городская партконференция
Мощная энергия класса
Выступление А. М. Горького

Тов. ГЕИ (председательствующий). Слово предоставляется тов. Горькому (аплодисменты, крики «ура»). Тов. Горький идет к трибуне. Все стоя приветствуют его бурными аплодисментами.

А. М. ГОРЬКИЙ

Горький Я, товарищи, скажу несколько слов, — не на хозяйственные темы, которые вы здесь обсуждаете, — а еще раз отмечу влияние на людей той мощной энергии, которую рабочий класс и его ленинская партия непрерывно развивают по пути к построению социалистического, бесклассового общества.

На-днях я пережил фантастическое впечатление. Мы — материалисты; бесповоротные, отвлеченные фантазии нам чужды и даже враждебны, но тем не менее многое, творимое нами, не зарождалось, как сказочным, фантастическим. Социальное и социалистическое творчество рабочего класса исходит из его революционной, строго реалистичной силы, на нее опирается и служит изумительным, небывалым возбудителем великих, фактов величайшего, победоносного смысла.

Какой же вывод можно сделать из этого облагораживающего и возбуджающего творческой деятельности величия революционной энергии партии пролетариев, марксистов-ленинцев? Тот факт, что буржуазия создала науку, искусство, технику, явное и очевидное нуждается в серьезной поправке. Поправку эту вносит современная нам буржуазная действительность. Она говорит нам, что величайшим жестью страны науки, искусства, техника — не дороги, что буржуазия ради сохранения своей власти и спокойной жизни готова отказаться и легко отказывается от всего, чем гордилась как своей культурой. Можно думать, что этот отказ так легок не только потому, что давнички испуганы до смерти, но и потому, что культура не была ей органическим творчеством. Культуру буржуазии создавали ее «блудные дети», ее отщепенцы. Биографии крупных деятелей культуры почти все говорят нам о том, как трудно было мастерам культуры, искусства, техники бороться со своим корыстным идеалистическим консерватизмом дамокловым мечом.

Наша, социалистическая, культура начата рабочим классом, и она будет органическим его делом, воплощением его энергии, его дарований и талантов, она будет именно такой или не будет, что невозможно. Нашу культуру строят удивительно даровитые и держкие люди: бывшие батрачки, батрачки, рабочие, работницы, ныне уже мастера своего дела. Они плоть от плоти и кость от кости своего класса, они не отщепенцы, они органически связаны со своим классом. Работая в его интересах, они не видят своих оценок врагами своим, и уже являются учителями отцов, ибо отцы видят, что дети, унаследовавшие революционную энергию, умеют заострять и уяснять ее наукой, философией, техникой и что в эту работу входят все новые и новые тысячи работников культуры. Желаю вам, товарищи, еще больше, шире, глубже развить вашу чудесную силу, преобразующую мир! (Продолжительные, бурные аплодисменты).

Дневник Литературной газеты

20 ЯНВАРЯ МХТ II комедия «Двенадцатая ночь» открыл тур шекспировских спектаклей. Еще в этом году Камерный театр покажет «Антония и Клеопатру», театр «Восход» — «Ромео и Джульетту». Новый театр «Венецианского купца», ГОСЕТ — «Короля Лира», Ленинградский Большой театр — «Ричарда III». Другие театры тоже задумываются над шекспировскими пьесами, о постановке «Гамлета» мечтает Мейерхольд.

знание непоколебимого единства и сплоченности большинства рядов, — вот что характерно для конференции московских большевиков.

ЕСТЬ У НАС КНИГИ ОБО ВСЕМ ЭТОМ?

„Мы хотим, чтобы каждая книга была бы нам так же дорога и нужна, как „Поднятая целина“

Делегаты Московской партконференции о литературе

ПАРТКОМЫ ЗАНИМАЮТСЯ ЛИТЕРАТУРОЙ

Соловьев Секретарь Павлово-Посада райкома ВКП(б)

Только недавно нам удалось развить литературное движение в Павлово-Посаде. В нашем районе шесть крупных текстильных предприятий. В Павлово-Посаде было проведено собрание литературного актива — комсомольцев и молодежи. Создан литкружок, который становится районным центром литературного движения.

Мы выделили члена бюро райкома закультурпрома для непосредственного руководства литературной работой в районе. Две большие библиотеки Павлово-Посада пополняются литературой. Перед парткомами поставлена задача — популяризовать среди рабочих вопросы литературы, втянуть их в литературное движение.

Нужны книги о текстильщиках, я имею в виду, главным образом, женщин. На наших текстильных фабриках 70 проц. работниц. Но что дадут художественная литература о советской текстильщице?

Советские писатели должны отобразить в литературе жизнь текстильщиц и текстильщиц. Мы ждем писателей и создадим все необходимые условия для их работы.

НАМ НУЖНЫ КНИГИ!

Гаврилова Подмастер прядильного цеха Воскресенской фабрики

Руководители парткома и фабрики нашей фабрики еще недооценивают значения художественной литературы. Между тем на фабрике немало молодых рабочих поэтов и писателей. Литературная работа на нашей фабрике характеризуется еще тем, что на 1000 рабочих и работниц фабрики имеется библиотека в... 200 книг. Конечно, такие произведения, как «Цусима», «Поднятая целина», «Бруски» и др., достать почти невозможно.

Художественная литература очень плохо доходит до районов. В самом

ВОЗЬМИТЕ ЛЮБОИ РАЙОНЫ!

Трейвас Секретарь Калужского райкома ВКП(б)

Литература — я долгу перед Москвой и московской парторганизацией. Писатели Москвы еще не отобразили в художественных произведениях социалистическую Москву, ее парторганизацию и руководителя МК т. Кагановича.

Между тем методы работы т. Кагановича, руководившего перестройкой области, его приемы, размах являются вкладом в опыт партийного строительства.

Возьмите речь т. Кагановича на московской партконференции в качестве примера.

1931 г., когда он начал работать у нас. Он дал тогда программу. А сейчас мы видим уже не программу, а Бобринки, не схему, а метрополитен.

Тов. Каганович воспитал целые кадры людей, которые посвещают себя на его работу.

Есть у нас книги обо всем этом? Писатели должны показать в литературе образ большевика.

Затем, кто из наших писателей показал лицо района? «Комсомольская правда» дала очерк о Вышнем Волочке, показала его прошлое, приз т. Кагановича в Волочек, приезд в город. И этот очерк сыграл для района колоссальную роль.

О Калуге, например, в 1933 г. у большинства такое же представление, как многие годы назад. А ведь сегодняшняя Калуга делает дизель в 3.000 лошадиных сил, выпускает тепловозы, моторовы, телефоны, успешно осваивает новейшую технику.

Или возьмите Алексинский район. Знает ли большинство трудящихся, что здесь строится Завский химкомбинат, не менее мощный, чем Бобринки? К сожалению, наши писатели часто презирают в районах, как гастролеры.

Писатели и поэты зачастую в своих произведениях не дают основного, главного. Вот Жаров написал книгу о Москве. Что он написал? Сборник северных стихов. Он не понял ничего. Не увидел настоящего пути на социалистическое строительство, не увидел в Москве, не увидел пролетариата, создающего новую Москву. Он просто отбоялся.

НУЖНЫ КНИГИ О ТЕКСТИЛЯХ!

Малов Секретарь парткома Соболево-Щелковского текстильного комбината

Около 6.000 рабочих объединяет наш текстильный комбинат. Культура на трех фабриках (прядильной, ткацкой и красочной) поставлена у нас еще плохо. Литературная работа на трех фабриках текстильного комбината не ведется. Литкружок нет. Библиотека — небогатая. Книг современных советских писателей очень мало. Надо отметить, в порядке самокритики, что как партком, так и Щелковский райком партии специально вопросам литературы за последнее время не занимались. Между тем, у нас на предприятии, большой актив рабочих, интересующихся художественной литературой. Наш текстильный комбинат находится всего на расстоянии одного часа езды от Москвы (ст. Щелково). Но писатели к нам приезжают очень редко. Между тем писатель к нам на фабрику единично с мертвой точки литературную работу на предприятиях и закрепил бы ее созданием литкружков. Жизнь и работа текстильщиц очень слабо отобразена в современной художественной литературе. Писатели должны создать книги, которые покажут старую и новую текстильные фабрики, перестройку текстильщиц в условиях социалистического производства.

ПРИХОДИЛИ 60-ЛЕТНИЕ СТАРИКИ...

Толкачева Бригадир колхоза „Путь Ильича“ Черепецкого района

Наш колхоз существует два года. Мы много слыхали о книгах писателей Панферова, Шолохова, Ставского. Но эти книги до нашего колхоза не доходили, не удавалось их прочесть.

В прошлом году к нам в колхоз приехал редактор газеты «Черепецкая коммуна» т. Смирнов. Он привез с собой роман Шолохова «Поднятая целина». Он рассказал нам об этой замечательной книге. Наш колхоз организовал агитсузд «Поднятой целины». Организовали литкружок, в который вступили колхозники — женщины, молодежь. Прочли коллективную книгу Шолохова. Книга очень понравилась колхозникам, — она для нас проста и понятна. Что говорили колхозники об этом романе? Они находили типичные черты у героев романа Шолохова. Они брали примеры из своего колхоза, где в 1931 г. был выявлен вредитель Авдеев, который испортил молодилку. Авдеева исключили из колхоза за вредительство. Колхозники упрекали Шолохова в том, что в его романе слабо отобразена роль женщины в борьбе за колхоз.

Целый месяц прорабатывали колхозники «Поднятую целину». На читки и обсуждения романа собирались по 40 человек, приходили колхозники — 60-летние старики. Впервые наш колхоз обсуждал вопросы литературы. Проработка книги Шолохова вызвала большой интерес колхозников к литературе. Нам писатели должны показать в литературе образ большевика.

Затем, кто из наших писателей показал лицо района? «Комсомольская правда» дала очерк о Вышнем Волочке, показала его прошлое, приз т. Кагановича в Волочек, приезд в город. И этот очерк сыграл для района колоссальную роль.

О Калуге, например, в 1933 г. у большинства такое же представление, как многие годы назад. А ведь сегодняшняя Калуга делает дизель в 3.000 лошадиных сил, выпускает тепловозы, моторовы, телефоны, успешно осваивает новейшую технику.

Или возьмите Алексинский район. Знает ли большинство трудящихся, что здесь строится Завский химкомбинат, не менее мощный, чем Бобринки? К сожалению, наши писатели часто презирают в районах, как гастролеры.

Писатели и поэты зачастую в своих произведениях не дают основного, главного. Вот Жаров написал книгу о Москве. Что он написал? Сборник северных стихов. Он не понял ничего. Не увидел настоящего пути на социалистическое строительство, не увидел в Москве, не увидел пролетариата, создающего новую Москву. Он просто отбоялся.

О Калуге, например, в 1933 г. у большинства такое же представление, как многие годы назад. А ведь сегодняшняя Калуга делает дизель в 3.000 лошадиных сил, выпускает тепловозы, моторовы, телефоны, успешно осваивает новейшую технику.

Или возьмите Алексинский район. Знает ли большинство трудящихся, что здесь строится Завский химкомбинат, не менее мощный, чем Бобринки? К сожалению, наши писатели часто презирают в районах, как гастролеры.

Писатели и поэты зачастую в своих произведениях не дают основного, главного. Вот Жаров написал книгу о Москве. Что он написал? Сборник северных стихов. Он не понял ничего. Не увидел настоящего пути на социалистическое строительство, не увидел в Москве, не увидел пролетариата, создающего новую Москву. Он просто отбоялся.

О Калуге, например, в 1933 г. у большинства такое же представление, как многие годы назад. А ведь сегодняшняя Калуга делает дизель в 3.000 лошадиных сил, выпускает тепловозы, моторовы, телефоны, успешно осваивает новейшую технику.

В ПОСЛЕДнюю МИНУТУ НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

По телеграфу от нашего корреспондента

ЛЕНИНГРАД, 19 января. Закончился прения по докладу т. Кирова о работе ЦК ВКП(б). Конференция единогласно одобрила политическую и организационную линию и всю работу Ленинского ЦК. В прениях выступил ЮРИЙ ЛИБЕДИНСКИЙ, подчеркивший огромную роль советской литературы в культурном росте страны. Вместе с тем совершенно правильно указав в отчете областного и городского комитетов партии о наблюдавшемся отставании художествен-

Зарубежом

ЕЩЕ ОДИН „ПОДВИГ“ ФАШИСТОВ

К приговору над Людвигом Ренном

ЛЮДВИГ РЕНН

Продержав Людвиг Ренна год в тюрьме, германская юстиция приговорила пролетарского писателя, автора романов «Война» и «Последние дни», к двум годам тюремного заключения.

Фашистская юстиция, самая истинная юстиция капитализма наших дней, осудила Ренна за то, что он своими статьями в журнале «Дер Ауфbruch» («Выступление») пытался внести разложение в армию и полицию.

«Дер Ауфbruch» ставил себе задачей борьбу с фашизмом, разоблачение истинных задач национал-социализма, его псевдореволюционной демагогии. Он обращался в первую очередь к тем национал-социалистам — в армии, полиции и штурмовых отрядах, — которые не отказались еще критически разбираться в «идеях», с такой щедростью исходивших от фашистских агитаторов, питающихся философией и деньгами промышленной и финансовой буржуазии.

И факты говорят, что некоторые элементы национал-социалистического лагеря имели мужество порвать с национал-социализмом, открыто перейти на сторону революционного пролетариата и включиться с ним в самую активную борьбу с фашизмом. Имена Шерингера, Ремера и других бывших активных участни-

ков фашистского движения широко известны не только в Германии.

Недаром в подзаголовке «Дер Ауфbruch» значилось: «Ежемесячный журнал в духе идей Шерингера». Шерингера еще до прихода Гитлера бросили в тюрьму: предшественники третьей империи устали ему за дезертирство из их рядов.

В этом журнале Людвиг Ренн с твердостью и логикой вскрывал истинное содержание идей фашизма. Его статьи выводили из лагеря фашистов на сторону пролетариата лучших обманутых фашистской демагогией людей. Это и квалифицируется фашистским судом как «крамоуление армии и полиции».

Но фашистская юстиция истинно Людвигу Ренну не только за его участие в журнале «Дер Ауфbruch». Она судила и осудила его за всю его литературную деятельность и не в последнюю очередь за то, что он, выходя из «высшего общества» германской буржуазии, измечтал идеям империалистической Германии. Пройдя на войне политическую школу, поняв истинные устремления капитализма, он бесповоротно перешел в ряды рабочего класса, стал одним из его мужественных писателей-борцов.

Его книги о войне и распада Вильгельмовской монархии, статьи о Германии, очерки и выступления о СССР отталкиваются от прогнившего социального строя и обращены к социализму, они будят революционное сознание трудящихся масс.

«Суждение» Ренна — только один из эпизодов «охоты на людей», так широко проводимой в стране, культурой которой некогда можно было гордиться. В тюрьмах и концлагерях «арийской» Германии томились немало писателей и публицистов, не отказавшихся от своих революционных, антифашистских убеждений. С дубинкой, револьвером и топором велется борьба против лучших людей Германии, против идей, которые нельзя заставить замолчать, даже имея специальное министерство фашистской пропаганды. Только в воображении Розенбергов и К° возможно «уничтожить» мировоззрение революционного пролетариата.

И факты говорят, что некоторые элементы национал-социалистического лагеря имели мужество порвать с национал-социализмом, открыто перейти на сторону революционного пролетариата и включиться с ним в самую активную борьбу с фашизмом. Имена Шерингера, Ремера и других бывших активных участни-

ков фашистского движения широко известны не только в Германии.

Недаром в подзаголовке «Дер Ауфbruch» значилось: «Ежемесячный журнал в духе идей Шерингера». Шерингера еще до прихода Гитлера бросили в тюрьму: предшественники третьей империи устали ему за дезертирство из их рядов.

В этом журнале Людвиг Ренн с твердостью и логикой вскрывал истинное содержание идей фашизма. Его статьи выводили из лагеря фашистов на сторону пролетариата лучших обманутых фашистской демагогией людей. Это и квалифицируется фашистским судом как «крамоуление армии и полиции».

Но фашистская юстиция истинно Людвигу Ренну не только за его участие в журнале «Дер Ауфbruch». Она судила и осудила его за всю его литературную деятельность и не в последнюю очередь за то, что он, выходя из «высшего общества» германской буржуазии, измечтал идеям империалистической Германии. Пройдя на войне политическую школу, поняв истинные устремления капитализма, он бесповоротно перешел в ряды рабочего класса, стал одним из его мужественных писателей-борцов.

Его книги о войне и распада Вильгельмовской монархии, статьи о Германии, очерки и выступления о СССР отталкиваются от прогнившего социального строя и обращены к социализму, они будят революционное сознание трудящихся масс.

«Суждение» Ренна — только один из эпизодов «охоты на людей», так широко проводимой в стране, культурой которой некогда можно было гордиться. В тюрьмах и концлагерях «арийской» Германии томились немало писателей и публицистов, не отказавшихся от своих революционных, антифашистских убеждений. С дубинкой, револьвером и топором велется борьба против лучших людей Германии, против идей, которые нельзя заставить замолчать, даже имея специальное министерство фашистской пропаганды. Только в воображении Розенбергов и К° возможно «уничтожить» мировоззрение революционного пролетариата.

И факты говорят, что некоторые элементы национал-социалистического лагеря имели мужество порвать с национал-социализмом, открыто перейти на сторону революционного пролетариата и включиться с ним в самую активную борьбу с фашизмом. Имена Шерингера, Ремера и других бывших активных участни-

ков фашистского движения широко известны не только в Германии.

Недаром в подзаголовке «Дер Ауфbruch» значилось: «Ежемесячный журнал в духе идей Шерингера». Шерингера еще до прихода Гитлера бросили в тюрьму: предшественники третьей империи устали ему за дезертирство из их рядов.

В этом журнале Людвиг Ренн с твердостью и логикой вскрывал истинное содержание идей фашизма. Его статьи выводили из лагеря фашистов на сторону пролетариата лучших обманутых фашистской демагогией людей. Это и квалифицируется фашистским судом как «крамоуление армии и полиции».

В ПОСЛЕДнюю МИНУТУ НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

По телеграфу от нашего корреспондента

ЛЕНИНГРАД, 19 января. Закончился прения по докладу т. Кирова о работе ЦК ВКП(б). Конференция единогласно одобрила политическую и организационную линию и всю работу Ленинского ЦК. В прениях выступил ЮРИЙ ЛИБЕДИНСКИЙ, подчеркивший огромную роль советской литературы в культурном росте страны. Вместе с тем совершенно правильно указав в отчете областного и городского комитетов партии о наблюдавшемся отставании художествен-

ков фашистского движения широко известны не только в Германии.

Недаром в подзаголовке «Дер Ауфbruch» значилось: «Ежемесячный журнал в духе идей Шерингера». Шерингера еще до прихода Гитлера бросили в тюрьму: предшественники третьей империи устали ему за дезертирство из их рядов.

В этом журнале Людвиг Ренн с твердостью и логикой вскрывал истинное содержание идей фашизма. Его статьи выводили из лагеря фашистов на сторону пролетариата лучших обманутых фашистской демагогией людей. Это и квалифицируется фашистским судом как «крамоуление армии и полиции».

Но фашистская юстиция истинно Людвигу Ренну не только за его участие в журнале «Дер Ауфbruch». Она судила и осудила его за всю его литературную деятельность и не в последнюю очередь за то, что он, выходя из «высшего общества» германской буржуазии, измечтал идеям империалистической Германии. Пройдя на войне политическую школу, поняв истинные устремления капитализма, он бесповоротно перешел в ряды рабочего класса, стал одним из его мужественных писателей-борцов.

Его книги о войне и распада Вильгельмовской монархии, статьи о Германии, очерки и выступления о СССР отталкиваются от прогнившего социального строя и обращены к социализму, они будят революционное сознание трудящихся масс.

«Суждение» Ренна — только один из эпизодов «охоты на людей», так широко проводимой в стране, культурой которой некогда можно было гордиться. В тюрьмах и концлагерях «арийской» Германии томились немало писателей и публицистов, не отказавшихся от своих революционных, антифашистских убеждений. С дубинкой, револьвером и топором велется борьба против лучших людей Германии, против идей, которые нельзя заставить замолчать, даже имея специальное министерство фашистской пропаганды. Только в воображении Розенбергов и К° возможно «уничтожить» мировоззрение революционного пролетариата.

И факты говорят, что некоторые элементы национал-социалистического лагеря имели мужество порвать с национал-социализмом, открыто перейти на сторону революционного пролетариата и включиться с ним в самую активную борьбу с фашизмом. Имена Шерингера, Ремера и других бывших активных участни-

ков фашистского движения широко известны не только в Германии.

Недаром в подзаголовке «Дер Ауфbruch» значилось: «Ежемесячный журнал в духе идей Шерингера». Шерингера еще до прихода Гитлера бросили в тюрьму: предшественники третьей империи устали ему за дезертирство из их рядов.

В этом журнале Людвиг Ренн с твердостью и логикой вскрывал истинное содержание идей фашизма. Его статьи выводили из лагеря фашистов на сторону пролетариата лучших обманутых фашистской демагогией людей. Это и квалифицируется фашистским судом как «крамоуление армии и полиции».

Но фашистская юстиция истинно Людвигу Ренну не только за его участие в журнале «Дер Ауфbruch». Она судила и осудила его за всю его литературную деятельность и не в последнюю очередь за то, что он, выходя из «высшего общества» германской буржуазии, измечтал идеям империалистической Германии. Пройдя на войне политическую школу, поняв истинные устремления капитализма, он бесповоротно перешел в ряды рабочего класса, стал одним из его мужественных писателей-борцов.

Его книги о войне и распада Вильгельмовской монархии, статьи о Германии, очерки и выступления о СССР отталкиваются от прогнившего социального строя и обращены к социализму, они будят революционное сознание трудящихся масс.

«Суждение» Ренна — только один из эпизодов «охоты на людей», так широко проводимой в стране, культурой которой некогда можно было гордиться. В тюрьмах и концлагерях «арийской» Германии томились немало писателей и публицистов, не отказавшихся от своих революционных, антифашистских убеждений. С дубинкой, револьвером и топором велется борьба против лучших людей Германии, против идей, которые нельзя заставить замолчать, даже имея специальное министерство фашистской пропаганды. Только в воображении Розенбергов и К° возможно «уничтожить» мировоззрение революционного пролетариата.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Рис. Кукрыничков

Неинтересное будущее

Уэллс опять написал утопию. Это становится уютнейшим.

Он каждый год печатает утопию. Один только раз Уэллс попробовал предсказать недалекого будущего — так, чтобы все могли поверить. Это было в 1918 г. при памятных всем обстоятельствах. В «России во мгле» Уэллс назвала нам свидание через 15 лет. Мы все имели счастье проверить прогноз «России во мгле».

С тех пор он уже ближайшим будущим не занимается, но завладевает XXI в. и никому его не отдает, и каждый год, немилосердно повторяясь, сообщает нам, «как я это вижу».

В прошлом году он создал «теорию» о научном управлении обществом. Очень наивно, но совершенно фантастическую теорию. Тогда же он нарисовал картину общества, которое управляется по этим научным законам. Газеты всех направлений признавали это будущее скудным и скучным.

Утопия этого года называется «Очертания будущих событий». Это путешествие по Европе — специальное издание «для людей высшего класса». Классы будут существовать вечно, и как бы ни развились и поумнели социальные «ныши» за полтора века, Уэллс желает иметь дело только с высшими классами двадцать первого фен-де-сека.

К путеводителю приложена «Историческая справка». Можно узнать, какими образом, о важнейших событиях XX и первой половины XXI в. Между 1940 и 1950 гг., целью является дет, бушевала всемирная война. Это была война в воздухе. Она выгнала людей из городов, сдвинула беззащитных при воздушном соревновании, и разбросала их по ущельям, лесам и селам. После войны над Европой пролетела эпидемия чумы. Все это привело к тому, что уже к 1960 г. (этим годом заканчивалась предпоследняя утопия Уэллса, которая также называлась «Очертания будущих событий») европейская цивилизация перестала существовать. Люди жили в Европе приблизительно так, как жили галло-римляне после «падения Западной римской империи».

Важнейший памятник этой эпохи — дневник некоего Титуса Коббетта, который в 1968 совершил путешествие на велосипед от Рима до Бордо.

Коббетт говорит, что дороги почти непроходимы. Могучие дубы, которые (неизвестно при каких обстоятельствах) были вырубаны с юркой и разбросаны по всему пространству Европы, закладывали важнейшие магистрали старой европейской цивилизации. Население ничего не знает, о телеграфе, телефоне, радио. Всюду громогласит рун.

ны, которые никому не кажутся романтическими. Только в «городе авиаторов» во Фрежусе (на юге Франции, близ Тулона) нашел Коббетт кое-какие поешкики европеизма.

Время Коббетта ушло безвозвратно. Люди XXI в. не любят о нем вспоминать. Уже через несколько десятилетий после Коббетта человечество восприняло. В Европе возникло единое мировое государство «фашистско-научного типа». Любопытно, что Уэллс впервые здесь называет фашизм фашизмом; он, по-видимому, кому-то бросает вызов.

Строители нового общества — молодые смелые техники, которые, впрочем, неизвестно откуда взялись. Эти технократы долго трудились, создавая по всему миру ячейки нового общества. Они действовали сначала конспиративно, потом все смелее и смелее. После упорной и кропотливой работы они открыли давно забытые производственные секреты XX в. и собрали, деталь за деталью, замечательные машины этой эпохи. Все это они дополнили «разумной системой кредита и распределения».

Только этого не хватало в свое время западной цивилизации. Теперь на основе того же производственного строя, который наполнил болью и обидой жизнь людей XX в., «разумная система кредита и распределения» создала высочайшую общественную гармонию. Любви класса к классу — закон этого общества. Верхние и нижние классы так любят друг друга, что даже не представляют себе, как можно было бы жить одному без другого. Уэллс этот видением потрясен. Он называет этот век «золотым».

Чрезвычайно любопытно, что Уэллс сохраняет в целостности машинную базу европейской цивилизации. Как известно, в последние десятилетия буржуазная утилитарная и философская литература всегда в таких случаях «ломала машины». Она либо воспевала блаженство дикости, либо создавала сверхчеловека, машинных людей — роботов. В том и другом варианте нормальная машина нашего времени изгибалась в первую очередь как главный враг человека.

Отвечание западной цивилизации несколько притихло в два-три последних года, — вероятно потому, что это были годы величайшего кризиса и ощущение гибели перестало быть литературой и патетикой. Сейчас, когда культурно-научная точка зрения, по-видимому, уже пройдена, снова расцвела литература о «гибели западного мира». Отвинулась непосредственная опасность, и тем слабее излучают в своих требованиях утописты и философы.

В самые последние дни такой тихий человек, как д-р Индж (популярный в Англии духовный писатель), уже опять «ломал машины» на заседании общества любителей классической древности.

— Наша машина цивилизации, — говорил Индж, — никому не годится. Мы почему-то решили, что все за нас должна делать машина. «Нажмите кнопку!» — вот лозунг нашей эпохи. Если так пойдет, то скоро явится поколение, которое научится передвигаться при помощи ног (есть автомобили!), научиться читать (все можно узнать по радио!), писать (есть пишущие машины, пишущие за вас!), думать, потому что в таких условиях думать вообще незачем.

Потому Индж рекомендовал словам совсем «вою эту цивилизацию» и научиться жить, как древние греки.

Индж философствует, среди классиков и, вероятно, сам себя всецело не принимает. А Уэллс — политик, у него есть левая программа. Он с Инджем не согласен. Не ломайте машины, — говорит Уэллс, — они нам пригодятся для фашистского государства! И не надо древних греков, надо построить новую систему кредита и распределения. Это очень левая утопия.

Любопытно, что тот же Индж (для того чтоб расцветить свое выступление) выдумал человека с другой планеты, который ходит по улицам наших городов, слушает наши речи и высказывает о нашей «красивой культуре».

Люди с другой планеты — это, собственно говоря, основная особенность Уэллса. Именно об этом написал он когда-то свои лучшие книги, которые доводили целое поколение. Но в последней своей утопии Уэллс уже ничего не говорит об отношениях людей Земли с людьми других планет.

Сейчас его интересует только Земля, потому что здесь очень неблагоприятно. Не время шутить. Уэллс строит «новое общество». У него довольно много единомышленников, но все это люди подготовленные. Они и без Уэллса «все это знали».

А книга сама по себе получилась не увлекательная. Она никого не поведет в неинтересное будущее Уэллса.

А. ЯЗЫКОВ

Иллюстрация худ. В. ВАТАГИНА к сборнику рассказов о животных — «Длинные пальцы». Книгу выпускает в ближайшее время ДЕТГИЗ

ПОВЕСТЬ О СЕВЕРНОЙ ДЕВУШКЕ

НОВЫЙ РОМАН А. УАЛЛА

Чтение этой небольшой книги радует. С сожалением закрываешь ее, хочешь сейчас же прочитать ее снова. А о многих ли книгах скажешь то же самое?

Суровый край суровых людей, суровые обычаи описывает в ней автор. Он раскрывает сложный и бытовых взаимоотношений наших далеких соотечественников, их стремления, их борьбу.

Суровая борьба за существование, казаринов — охотников: Омратина, дряхлого отца его Эттуга, матери его Пичальки и сестры его Каверулы. И юности-казачки Ангауату, токущего по светлой женщине. И иривою Лайдутича, и Энеуна, и многих других.

И над всем этим возвышается, властвует Атик, хитрый и алчный перекупщик, богач, обладатель четырех жен, ловкий дипломат и прохвост, искусным маневром забавляющий своих соплеменников. Как какой незнаниею застенчивости, для своей выгоды, для своего широкого распространения целей (чуть ли не царком негитает он стать) тупые, роковые законы и обычаи. Это тип северного эксплуататора скрупулезно и негодянт, ловко обманывающего своих доверчивых и запуганных соплеменников, вымещая Умными с максимальной пластичностью. Атик — тип универсальный и в то же время сугубо локальный.

Атик мало чем отличается от своего жаднее его желание: увидеть в своей яранге Нэн, дочь бедного казаринов, красавицу Нэн, лучшую охотницу, непокорную и дерзкую, насмехающуюся над правом мужчин.

Но Нэн отказывается от великой чести быть пятой женой в покое богатого и мстительного Атика. Она бежит из дупного и бедного мира ярангов в горы, в тундру и попадает в жены «бедного человека» Алеху (Алексея), этакого «гамлетика» (Алексея), этакого «гамлетика» несколько шаблонна, в духе и стиле колониальных рассказов Джека Лондона. В ситуациях, описанных дяде, легко было сехать на молоту, но, к счастью, художественное чутье автора избавило его от этой опасности.

В душе Нэн бушует неумное, инстинктивное стремление к какой-то другой новой «большой жизни». Но это не столько инстинкт, тут действуют и какие-то другие причины, быть может, слухи об этой большой жизни, дошедшие до казаринов. Нэн. К сожалению, эта часть, предшествующая бегству Нэн, остается неосвещенной. Смысл, заименя последняя глава книги. Жизнь Нэн обрывается. Какова ее дальнейшая судьба? Какого пола она? Куда и куда пришла? Это очень важно. Исторически важно, ибо судьба Нэн не индивидуалистична.

не исключительна в наших советских условиях. Это — судьба многих тысяч женщин, раскрепощенных революцией. Будет ли показан так же художественно убедительно дальнейший путь казаринов Нэн?

Автор, очевидно, не принадлежит к категории писателей, глаголющих по стране в поисках литературного материала. Роман его дышит неподдельную любовью к Северу, к северным людям. Он сжигает с ними, ювил их, их жизнь, нужды и чаяния.

Убедительно и реально показана глухая, непримиримая вражда между коварным, властолюбивым эксплуататором Атиком и бедняком Ангауатом, убивающим его и его сына.

Автор не впадает в «экономическую» не увлекается внешней экзотикой — роман его при несомненном налете романтизма насыщенный реалистичен. Он не перебарщивает с фольклором, в союзы без сомнения велик. Он пользуется богатством локальных красок в меру, подчиняя их основному — людям, сюжету, — не дает им доминировать, заглушать это основное и главное. Несколькими красочными мазками он набрасывает картины, которые глубоко врезаются в память, как, например, выжужденное самобытием старой Гимикки.

Язык Уалла — образный, сочный, почти без провинциализмов; нет чрезмерного влияния souleer Josa. Все в меру. Образы северной природы, флоры и фауны — ярки, действительны. В меру дана художественная публицистичность, удачно влетает в общую ткань.

Роман Л. Уалла охватывает период конца впа и начала реконструкции, но жизнь в далекой тундре не обрывается. Она должна вступить в новую, высшую стадию развития. В «Нэн» имеются зародыши великого процесса классового расщепления, разрыва, борьбы, происходящей во всей стране. Получили ли это дальнейшее развитие все выражение у Уалла? Умение автора видеть и показывать вещь, его несомненное знание Севера, надо думать, дадут ему возможность воплотить это так же художественно убедительно, как и в первой книге.

У Л. Уалла кроме «Нэн» имеются еще две ранние работы: «Север зовет» и «Золотые долины». Необходимо отметить, что по сравнению с ними «Нэн» — значительный шаг вперед.

П.

Литературный ДОБЕСС печатает

Покажите новых людей

За истекший 1933 г. донецкие писатели дали целый ряд незаурядных художественных произведений. Сюда относятся: «Каменная книга» поэта П. Беспощадова, роман «Утверждение» В. Торина, «Книга стихов» Ю. Черкасского, «Отвага», «Донецкая тетрадь» поэта А. Фабера, стихотворный сборник «Зритель» К. Герасименко, рассказы А. Захарченко и П. Чесалина, романы Ф. Ковалевского и Кофшика, «Млечный путь» Ю. Черного и многие другие.

Этими книгами Донецкий областной оргкомитет союза советских писателей подготовил на днях II донецкой областной конференции КП(б)У К областной партийной организации Донецкий оргкомитет выпустил и специальную однодневную литературную газету «Литературный Добесс».

«К началу второй пятилетки Добесс в основном превратился из Добесса обучающего в Добесса механизированный...» — было правильно сказано в свое время в резолюции вседонецкого съезда советских писателей и инструкторов.

Но техническая реконструкция, изменившая экономику Добесса, создала и новых людей, вынуждая социалистической стройки, революционеров в технике, создала ИЗОТОВЫХ. И однодневная газета донецких писателей правильно обращает внимание на недопустимое несоответствие между огромными технико-экономическими успехами Добесса, тем огромным удельным весом, который принадлежит ему в жизни нашей страны, и недостаточным отражением и дел и людей Добесса в нашей художественной литературе. Ибо вышедшие до сих пор книги донецких писателей, свидетели о мощном культурном подъеме, о творческом росте молодых литературных кадров, не могут, однако, по своей художественной значимости расцениваться как литературные явления первостепенного порядка.

«Литературный Добесс» должен образцом акцентировать и на необходимости повысить большевистскую бдительность и попыткам классовых врагов использовать литературную трибуну — особенно в связи с тем, что некоторые недальние руководители литературного движения в Добессе (Баюнок) оказывались агентами контрреволюционного троизма.

Газета остро ставит вопрос о писателях. В самом деле, до сих пор УГОЛЬНИКИ и МЕТАЛЛУРГИ, МАШИНОСТРОИТЕЛИ и ХИМИКИ, КОЛХОЗНИКИ и РАБОЧЕ СОТВОРЫ ДОБЕССА НЕ ИМЕЮТ СВОИХ ДОНЕЦКИХ ПЕССЕ. Создают эти пещи, поэты и композиторы Добесса!

Ценным является и сообщение газеты о создании областного методического центра — кабинета Рабочего-автора.

ЕЩЕ ДЕВЯТЬ КНИГ К ПАРТСЪЕЗДУ

Серия книг, выпускаемых «Советской литературой» и XVII партсъезду, значительно расширена. В серию включены новые девять книг:

«ТАЙНА ТРИ БУКВ» — новая вещь М. ШАГИНИН. Она посвящена ряду проблем, встающих в связи с созданием колхозов при МТС и колхозах. М. Шагинин стремится раскрыть историческое и политическое значение колхозов.

«СБОРНИК КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» включает статьи М. ГОРЬКОГО, А. ЛУНАЧАРСКОГО, П. КОЛЛОДИНА, А. БОЛОТНИКОВА, Е. УСЕВИЧА, М. РОЗЕНТАЛЯ и др. Статьи посвящены творчеству Горького, Панфилова, Шолохова, Фадеева, Новикова-Приблуда, Вишневского, Погодина и др. Сборник — первая книга библиотеки «Литературного критика». Обьем сборника — 20 листов.

«РЕЧИ КОЛХОЗНИКОВ», выступления в колхозах накануне весеннего сева, на съезде колхозников в Москве, отчеты о местных съездах колхозников, рассказы-отчеты о беседах с т. Сталиным.

Но... выражаясь словами передовой статьи того же «Литературного Добесса»,

единственной валютой в искусстве является творческая продукция. Рапортовать партии и своему классу нужно, прежде всего, художественными произведениями.

Между тем литературный материал, напечатанный в газете, нельзя признать высокохудожественным. Две прозаические вещи — глава из романа А. Захарченко «Семья Приходько» и повесть П. Северова «Страна моего друга» — тематически мало подходят к областной партийной конференции, которой посвящен выпуск газеты, не говоря о том, что и новых людей социалистического Добесса — Северова П. Северова берется более современная тема:

В ней рассказывается о шахтере, который мечтает о своей солнечной и «виноградной» родине, но тем не менее отказывается покинуть тула, отвергая приглашение своего отца, владельца обувного магазина. Ситуация, вряд ли характерная для социалистического Добесса! Повесть написана плохо, хотя местами язык ее является перегружен образными, не всегда отвечающими требованиям хорошего вкуса:

«И в открытом его волосистом рту затрепетал вдруг багровый стук. Но вот на какой-то точке моего лица, наконец, зацепилась горячие крылья его глас».

Очевидно, и при подборе литературного материала для однодневной газеты донецким писателям пришлось столкнуться с теми же трудностями, которые они самокритически признали в публикации своего раздела своей газеты, характеризующая донецкую художественную литературу.

Большую радость читателя помещенные в газете стихи, в частности, стихи П. Беспощадова и Ю. Черкасского, представляющие собой, по-видимому, лучшие образцы творчества поэтов Добесса.

Массовое литературное движение, успешно растущее и выдвигающее все новые таланты, не может существовать, пока не дана областной конференции большевикам Добесса: «Поднять в своих произведениях больше и еще освещенные в художественной литературе СССР темы Добесса, создавать художественно полноценные образы передовых людей социалистического строительства».

Тогда по книгам донецких писателей мы сумеем увидеть, — об этом хорошо говорит Ю. Черкасский, — как

«Под угольными пластами

Жизнь измывается, вырастает

Неузнаваемые друзья».

ФОТОМОНТАЖ ИЗ ЖУРНАЛА «СССР НА СТРОЙКЕ»

РАЗГОВОР ДВУХ МИРОВ (ЛЕНИН И УЭЛЛС)

„ВРАГ“

НОВЫЙ РОМАН
Е. ПЕРМИТИНА
Г. ФЕДОСЕЕВ

Е. Пермитина стал известен в современной художественной литературе четыре года назад. Первый его роман «Капкан» оказался в числе наиболее популярных у читателей произведений.

И роман был достоин этого внимания.

На одном из интереснейших участков нашей деревенской действительности, на первый взгляд совершенно недостаточных воздействием новых социальных отношений, автор показывает в живых, захватывающих картинах тенденции прогрессивного развития бедняцко-среднекрестьянства в сторону социализма. Это движение сложно и противоречиво. Через крушение мелкобуржуазнических методов хозяйствования, распад крепких социальных связей и отношений автор ведет своих героев к коллективному хозяйству. Он прекрасно понимает, что отрицание мелкобуржуазнической идеологии — не стихийно возникший процесс, а результат экономической политики рабочего класса и его партии.

Автор романа отчетливо видит, что в советской деревне хозяйственная индустриализация конкуренция заменяется здоровым социалистическим соревнованием. И этот характерный процесс показывает всю сферу поведения его героев.

Для 1929 г. — начала эпохи спешной коллективизации — обнаружение этих тенденций означало, что художник верно схватил основное, существенное, решающее в социальной экономике деревни.

Однако роман Пермитина не был замечен «социальной» критикой. «Социальная» критика заметила второй роман Пермитина «Враг», хотя он, несомненно, ниже по качеству творческого перенесения писателя. Самое поверхностное чтение может обнаружить в романе ряд существенных «срывов» в расстановке классовых сил деревни, а отсюда в логике развития событий и трактовке некоторых образов романа.

Новый роман Пермитина «Враг» свидетельствует о несомненном нарастании творческой энергии и мастерства писателя.

Территориально автор не выходит за пределы алтайского кержанского захолустья. Но печать ограниченного областничества, давшая себя чувствовать в предшествующих произведениях автора, в новом романе преодолена. Писатель сумел подняться до типичных особенностей.

И это закономерно. Грандиозное социалистическое наступление тесным образом связало центр и огромную периферию Советского союза. «Враг» продолжает одну из характерных линий развития романа «Капкан». Часть действующих лиц «Капкана» в новом романе нашла полное завершение своей социальной эволюции, другая — подошла к решающему ее фазису.

Капкан мелкобуржуазнической экономики разжимает железные челюсти, освобождая одного за другим заскорузлых, приросших к собственности мелких хозяйчиков. Каждый из них отличается своим особым индивидуальным неповторимым психологическим обликом. Вот Матрена Погонышина. Крепкая хозяйственная ее хватка в

прошлом была обращена на борьбу за индивидуальную хозяйственную независимость. Она цепко вцепилась в землю руками, чтобы выбиться из людей в то бы то стало. И может быть, «при счастливых обстоятельствах» Матрена смогла бы превратиться в кулака-миродея. Но эти счастливые обстоятельства — обманчивая иллюзия, железная энергия нашей огромной поле деятельности в артельном колхозном хозяйстве. Неграмотная, забывая, ограниченная Погонышина растет политически. Не зная социальную экономический валач колхозного движения, Матрена в процессе реальной борьбы за артельное хозяйство чутьем доходит до глубокого органического понимания социалистической переплавки деревни.

Читатель выносит от знакомства с героиней романа убеждение, что она при самых сложных социальных ситуациях, при самом тяжелом положении колхоза останется верной своему артельному хозяйству. И если потребуется, сумеет отстоять жизнь за дело социализма.

Не менее любопытен Тишка Курносенко.

Социальный продукт «диалогизма деревни», Тишка Курносенко проходит тяжкий путь отщепенца. Объект издевательств, презрения и ненависти, Курносенко становится несправедливым деревенским вором. Не раз не удалось бить за воровство. Тишка потерял все: доверие к людям; ни мать, ни любовница не могут согреть его постылого неужного существования. В своем неуродливом одиночестве Курносенко создал воображением поэтическое идолство — лениво-беззаботной, вольной жизни. В минуты вдохновения Тишка делается неузнаваемым. Он — талантливый, вдохновенный певец, обаятельный мечтатель-разсказчик. Но мгновенно — все вышкряки его талантливой за-защиты.

Любопытна и поучительна история одного из главных героев романа — Селифона Авадуева. Центральная линия романа «Капкан» — Селифон проходит социальную эволюцию. Крепкая, молодая натура, Селифон полагается в сторону артельного хозяйства. В мучительном одиночестве он упорно осмысливает происходящее на его глазах процесс социальная ломки деревни. К концу романа мы явственно ощущаем, что глубокая внутренняя борьба Селифона разра-

стается решительным поворотом в сторону колхоза. Кулацкое восстание решает его судьбу. Он становится вождем колхозного отпора кулаку.

Как и Тишка Курносенко, Селифон Авадуев — объект борьбы вражеских групп деревни. Автор понимает существо этой борьбы. Не пропалана идея коллективизации «вообще», а соединение широкой общей агитации и борьба за отдельные живых людей решают дело социалистической коллективизации деревни.

Не менее значительна и важная другая проблема романа — методы борьбы с кулаком. Кулак в изображении Пермитина значительно отличается от всех кулаков, которых мы видели до настоящего времени в нашей художественной литературе. Писатель сумел показать классового врага в его дифференциации и разнообразии методов социальной борьбы.

Автом Пежин, по-звериному неандертальский артель, действует только методами прямой расправы с ненавистными ему колхозниками. Он больше исполнителю, чем вождю и теоретик кулацкого движения. Поп Амос — кулак теоретик, опирающийся по преимуществу на религиозно-патриархальный авторитет, на консервативность мышления масс. Поэтому он может придушить только план бегства (по образцу старообрядцев дореволюционного времени) в новое, недоступное для советской власти место. Это третий — самый опасный и тонкий враг. Он действует ежесекундно, неуловимо, тонко: и тихой силой, и прямым наступлением, проведенным через других, и умением организовать враждебные силы против советской власти, и нападением советской власти и партии.

Таков кулак, официально числящийся закятником, серделком, Егор Егорич Рыклин. Кержанский язвительный и грамотный, он понял, что

упор на библию, на религиозный авторитет устарел и не достигает цели. И он придумал другое: он опирается на Маркса, Ленина, умело фальсифицируя их высказывания при тех или иных удобных для него обстоятельствах. Под маской советского закона Рыклин наступает на малорамотных деревенских коммунистов. Он цитирует Маркса: «... Но бытие определяет сознание», — говорили Карла Маркс и Фридрих Энгельс, — и это сушая правда, товарищи. Бытие же является среднего середняка-старовера совсем отменное от бытия расейского люмпенина... И выводит, что бытие нашего середняка кулацкое. Значит, и психология жизни кулацкая. А поскольку это так, товарищи мужички, постылкум надо строить кулацкую жизнь, кулацкую, кулацкую, под самые мышки...» в колхоз. мол. «одна лезетка» в колхоз».

И Дмитрий Селов, секретарь партийки не в состоянии парировать ловко направленный удар кулака.

Нетрудно видеть, что кулак Рыклин сумел собственным умом дойти до извращения существа марксистской теории и тем самым показав, что некоторые наши горе-марксисты не только объективно борются за кулацкую идеологию, но и могут увидеть собственными глазами, что настречу им движется теоретически «подкованный» союзник «сизу».

Конечно, это не типично для кулака. Таких кулаков мало, очень мало, но кто может сказать, что их совсем нет, что автор придумал этот образ? Известно, что многие советские декреты кулак умел использовать в свою пользу при осуществлении недостаточной бдительности представителей советской власти и партийного руководства.

Почему же кулак не мог бы от чтения декретов перейти и к теоретической основе их? Вот именно эта ловкая кулацкая

маскировка позволяет Рыклинку организовать страшную расправу с колхозниками и сбегать до поры до времени неразоблаченным врагом. Пользуясь недостаточной подготовленностью деревенских коммунистов, Рыклин сумел организовать деятельность питаната на Маркса, Ленина, Сталина, тонко маскировав себя «приверженностью к коммунизму».

Е. Пермитина ставит в своем творчестве большие социально-политические проблемы. Эти проблемы не чужды роды в романе, а вытекают из самого существа изображаемых им социальных групп. Он прежде всего художник, который хорошо знает психологию своих героев, их индивидуальный облик, об вместе с тем понимает, что каждый изображаемый им образ — совокупность общественных отношений. Отсюда то внутреннее свойство его романа, что в нем все логически обосновано, закономерно, за исключением незначительных частностей, явно недоработанных автором и излишних по существу.

К числу этих частностей (именно потому, что они излишни) относятся его реминисценции из жизни Тишки и Селифона. Эти излишние по существу места тем более бросаются в глаза своей угловатостью, что они уже были в свое время сообщены в романе «Капкан».

Чрезмерная склонность автора к сибирской природе отвлекает в сторону внимание читателя от главной линии повествования. Некоторые пейзажные зарисовки, особенно в начале романа, не оправданы. Мастер колоритного, сочного пейзажиста иногда забывает о функциональном назначении пейзажных мотивов.

Язык романа прост, но локален, иногда не в меру. Основная же заслуга автора в умении подметить и показать самое существенное в происходящем сейчас процессе.

Трагедия пролетария, которому „повезло“

Литературный обозреватель «Таня» Андре Терив не имеет привычки уделять много внимания произведениям, носившим на себе печать пролетарского идеологии. Но для романа Поля Низана «Антуан Буайе» он сделал исключение и даже посвятил ему почти весь свой обзор.

Полю Низану — писателю коммунистически настроенный. Эпиграфом для своего романа он взял цитату из Маркса о необходимости уничтожить систему, основанную на наемном труде. Тема его романа — история деклассированного пролетария, деклассированного не в том смысле, что он попал в ряды люмпен-пролетариев, а наоборот, потому что он «выбился из людей» из простого машиниста на железной дороге стал начальником железнодорожного депо, затем инженером, женился на дочери своего начальника и попал в круг буржуазии.

Автор не подолжит к изображению своего героя с четкой классовой точки зрения. «Социальное возмущение» Антуана Буайе происходит постепенно, почти незаметно, что дает повод буржуазной критике «Таня» рассматривать это возмущение как естественный путь для пролетария в буржуазное общество.

Но автор очень тонко вскрывает несостоятельность этого перехода пролетария в ряды командной «элиты» капитализма. Антуан Буайе, этот «машинист, который постепенно «выскочил из инженер», неслучайно ощущает ту грань, которая — демократична — отделяет рабочую массу от тех, кто стоит над ней: не только от капиталистов, но и от находящихся в последние дни на службе буржуазной интеллигенции. Антуан Буайе — революционер, он тянется вверх по социальной лестнице капиталистического общества...

Эта ремарка автора является ключом ко всему его произведению. Но автор сравнительно редко прибегает к этим ремаркам. Он просто рассказывает жизнь своего героя. Его искусство в том и состоит, чтобы без мелодраматических эффектов вскрыть трагедию той буржуазной среды, которую так резко ощущает вчерашний пролетарий, еще привыкший работать вместе с локтями с товарищами по труду.

Но это — старая история: буржуазная аскология признается идеологами буржуазии нормой всякого человеческого сознания. Именно поэтому критик «Таня» стремится вытравить классовое значение книги Поля Низана.

Наглядным опровержением тезиса Андре Терив является положение рабочего в СССР. Здесь рабочий, ставший инженером директором завода, государственным деятелем, — явление уже «будничное». Ни в одном из этих «будничных» профессий в социалистическом государстве не ощущается ни внутреннего банкротства, ни «смирной скорби». Рабочий-директор не оторван от своей среды — он не «атом», не имеющий общения с людьми труда. Он организует, творит, создает, и у него нет почвы для пессимизма. Ибо пессимизм действительно неизбежен, но лишь для деятелей буржуазной культуры.

От редакции. В одном из ближайших номеров «Литературной газеты» будет помещена подробная статья о романе Поля Низана «Антуан Буайе», представляющем значительный интерес для советского читателя.

ПОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
Мысль организовать в Польше академию литературы принадлежит известному польскому писателю Стефану Жеромскому, представившему свой проект правительству в 1918 г. Однако, осуществить план создания академии литературы удалось лишь в октябре 1933 г.

Небезынтересно отметить, что в прошлом польская литература имела уже своего рода академию, это был Кружок друзей науки в Варшаве, существовавший с 1800 г. по 1831 г. Кружок этот постоянно преследовался и, наконец, был запрещен царским правительством.

Учрежденная правительством в 1933 г. Академия литературы насчитывает в настоящее время в числе своих действительных членов: Владислава Серошевского (президент академии), Юлиана Кален-Вандаровского (генеральный секретарь академии), Галеуша Зелинского, Петра Койновского, Кароля Иржижковского, Болеслава Лесмана, Софию Налковскую, Владлава Берлея, Леопольда Стаффа и др. видных писателей.

Среди академиков — 5 романистов, 3 поэта, 2 драматурга, 2 критика, 2 историка-литературоведа и 1 журналист.

Первым почетным членом академии избран ее основатель — министр народного образования г-н Януш Едржевич.

ХРОНИКА
В Чикаго вышла книга Рудольфа Кастра «Литературные очерки» на тему об европейских влияниях на творчество испано-американских авторов.

В Мадриде вышла книга очерков Алфонсо Дьяуро «Мексиканские мотивы» о политической, экономической и культурной жизни современной Мексики.

ТЫСЯЧА СПЕКТАКЛЕЙ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ „ЛЕСА“ В ПОСТАНОВКЕ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

В. Э. Мейерхольд начал работу над «Лесом» в тот период, когда покойный А. В. Луначарский провозгласил лозунг «Назад к Островскому». А. В. Луначарский имел в виду идейное и художественное качество произведений Островского, но представители и апологеты старого искусства, подхватившие этот лозунг, постарались истолковать его буквально так, что он получил реакционное значение в смысле: «назад от революции». «Лес» в постановке Мейерхольда явился как бы непосредственным откликом на этот лозунг. На основе пьес Островского вырос революционный спектакль.

Еще задолго до работы над «Лесом» В. Э. Мейерхольд указывал на свойства драматургии Островского, непонятные старым театрам, трактованными его пьесы в духе бытовщины и «разговорности», чудом подлинной театральности. В речи к актерам Александринского театра в связи с постановкой «Грозы» (1916) он подчеркивал народный характер театра Островского, а также мелодраматический строй его речи. Еще раньше (книга «О театре») он писал «Островский... подкрепляет свои самобытные силы знакомством с образцами великих театральных эпох Западной Европы... Островский переводит с испанского языка интереснейшего Сервантеса и, когда сравнивает бытовую театр Островского с бытовым театром Лопе де Вега, понимаешь, какой урок был дан Островскому Сервантесом».

Мейерхольд полагал, что попытка уложить «Лес» в формы испанского театра не удалась Островскому. Поэтому он драматургически перестроил комедию. Он перемонтировал пьесу, приняв метод композиции кинофильма, и разделил ее на 3 части и 33 эпизода. Экспозиция 1-го эпизода давала акт, была сведена в один, действие стало более напряженным, эпизоды давали разнообразную обрисовку среды и расширяли рамки пьесы.

В отличие от прежних постановок Островского мейерхольдовский «Лес» — это беспощадное разоблачение эксплуататорской сущности помещичьей среды. В дальнейшем подход Мейерхольда к классическим пьесам стал более усложненным, но то, что он сделал в «Лесе», для того времени было необычайно смело. Баба-депутат Гурмыжская, вырощенный Буланов, грубый солдат Буланов, слепой поп Милонов... В этих фигурах так же, как и в кучке-кучке Восмибратов, — представители варварского расейского торгаша да да акта, — отражены агитационные плакаты гражданской войны и новые «смазки», принятые советскому театру «Мистерия-Буфф» Маяковского. Так же нова была и Акуша, выросшая в протестантской среде старого уклада жизни. Конфликты, развивающиеся в пьесе, получили социальное обоснование. Мейерхольд подчеркнул актерство Несчастьяцева и Счастьяцева; вместе с тем испанские учителя Островского являли его на мысль дать им в плане Дон-Кихота и Санчо Пансо (у Счастьяцева также черты трагического комедианта) и народный трагический плач и подобие сомбреро, а комика — в отряпья куртки какого-то оперного испанца.

Мейерхольд придал «Лесу» такие свойства, о которых Островский не мог и думать, как антиреволюционная тенденция. — и вместе с тем, расширяя потенциальные возможности пьесы, он «доказал» использование текста Островского для заострения социальной значимости и усиления динамики спектакля. Извлечки из текста все, что было возможно, для обрисовки персонажей, Мейерхольд воспользовался отдельными репликами или даже целыми фразами, которые в оригинале были лишены смысла. Ряд повествовательных моментов был переведен в план реального показа. Если в «Великодушном рогоносце» текст (литературный образ) материализовался в жесте (который иногда дополнял слово, а этот прием получил дальнейшее развитие: текст материализовался в действии и вещи. Часто из слова или реплики вырастали игровые сцены: текст использовался иногда в порядке логического развития, иногда же парадоксально, эксцентрически. Так, сцена, в которой Несчастьяцев заставляет Восмибратова вернуть деньги, трактована как устремление Восмибратова различными театральными эффектами. Реплика Восмибратова «Да отчего же не кричать, коли здесь такое завесение?» дала Мейерхольду повод представить эту сцену, как изображение некоего ритуала. Итра актера с асхию была одним из основных элементов постановки, причем эта игра всегда имела конкретный характер, выполняла задачу обрисовки данного типа, оживляла разговорные сцены. Ряд сцен был построен на различных видах

домашней работы (катают белье, варят варенье, накрывают на стол), бытовых моментов (есть, пьют, бредят, делают лепидку, применяют костюм), играх (гигантские шаги), мяч, гимнастика, качели, танцы).

Начиная с «Леса», в развитии театра Мейерхольда входит струя музыкального театра. Различные

Друж, шарж. КУКРЫНИКОВ

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

ОТКЛИК НА РАДИОПОЛОСУ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“

ПОЧЕМУ Я УШЕЛ ИЗ РАДИО?

На этот вопрос, заданный мне редакцией «Литгазеты», трудно ответить исчерпывающе.

Причин было много, и они довольно сложны. Я позволю себе остановиться на самых главных. Основное — это тяга к театру, в котором я ощущал необходимость как в главном плацдарме дальнейшего своего творческого роста.

На радио такого полноценного плацдарма я не увидел несмотря на большую и серьезную работу по радиорежиссуре свыше двух лет.

Самое большое зло так называемого драматического радиотеатра, в котором все перенесено в вид искусства, — это равноправие компонентов, и только.

Наш слушатель, наша общественность, наша пресса никогда над этим кругом вопросов не задумались достаточно глубоко. Довольствовались тем, что художественное радиовещание неоднократно давало такие радиодокументы, в которых высказанный сейчас мною принципиальный взгляд на этот вопрос получал хотя и частичные, но вполне конкретные подтверждения.

Вот эти документы: «Явления» — реж. Волковский. «Новости Берлина» — реж. Канцель. «Пугачев» — реж. Мусин. «Галичская Жагерия» — реж. Марков.

Почти никогда эти ценные и крупные работы не получали надлежащего критического широкого оглашения на страницах советской прессы. Мы работаем вслепую, варируя в собственном соку.

Все это имело и серьезные последствия в отношении материалов (авторов), с которыми приходилось сталкиваться.

Писутся пьески, сценки, рассказы, переделываются театральные пьесы, романы, поэмы и т. д., приспособляя их к удобному телепробированию по радио. Писутся

конференсы, которые являются в общедоступной технике радио дала новую, доселе небывалую возможность организовать и довести до уха любой звук, в любом его изменении, в любом качестве и количестве.

Этот звукоколлектор, если можно так сказать, породил безмерно богатую своими возможностями, совершенно новую и самостоятельную категорию искусства.

Это не пение, не музыка, не чтение, не драма, не театр, — это радиоконкуста (звуковое искусство), в котором все перечисленные виды искусства входят равноправными компонентами, и только.

Наш слушатель, наша общественность, наша пресса никогда над этим кругом вопросов не задумались достаточно глубоко. Довольствовались тем, что художественное радиовещание неоднократно давало такие радиодокументы, в которых высказанный сейчас мною принципиальный взгляд на этот вопрос получал хотя и частичные, но вполне конкретные подтверждения.

Вот эти документы: «Явления» — реж. Волковский. «Новости Берлина» — реж. Канцель. «Пугачев» — реж. Мусин. «Галичская Жагерия» — реж. Марков.

Почти никогда эти ценные и крупные работы не получали надлежащего критического широкого оглашения на страницах советской прессы. Мы работаем вслепую, варируя в собственном соку.

Все это имело и серьезные последствия в отношении материалов (авторов), с которыми приходилось сталкиваться.

Писутся пьески, сценки, рассказы, переделываются театральные пьесы, романы, поэмы и т. д., приспособляя их к удобному телепробированию по радио. Писутся

конференсы, которые являются в общедоступной технике радио дала новую, доселе небывалую возможность организовать и довести до уха любой звук, в любом его изменении, в любом качестве и количестве.

Этот метод автора еще больше выкореняет взгляд на радиопредмет как на телепробирование театра, эстрады, пения, чтения, музыки, выступление оратора. Ведь все это можно прослушать на худой конец и по радио, если не кончить или не иметь возможности услышать все это в подлинном исполнении «настоящего» театра, «настоящей» оперы, «настоящего» концерта.

Таким образом, радио, будучи огромным самостоятельным искусством, пока является только заменой «настоящего».

Все это далеко от настоящего звукового искусства, как оно мыслится.

Этот метод автора еще больше выкореняет взгляд на радиопредмет как на телепробирование театра, эстрады, пения, чтения, музыки, выступление оратора. Ведь все это можно прослушать на худой конец и по радио, если не кончить или не иметь возможности услышать все это в подлинном исполнении «настоящего» театра, «настоящей» оперы, «настоящего» концерта.

Таким образом, радио, будучи огромным самостоятельным искусством, пока является только заменой «настоящего».

Все сказанное отнюдь не снимает нужности и даже необходимости телепробирования по радио других видов искусства, не снимает огромную культурную роль радиопредмет такого порядка.

Я отвечаю только как радиорежиссер на поставленный мне вопрос, как работник, утверждающий принципиально-абсолютную самостоятельность радиоконкусты.

Почему я не остался всецело на радио как режиссер? — ответ краток: — Хочу быть «настоящим» в театре, поскольку таковым в театре быть могу.

Я верю, что недалеко тот час, когда радио само станет настоящим искусством, а не только заменой или разномножителем «настоящего» подлинника. И это есть та причина, почему, отойдя от радио как от основной своей работы, я тем не менее не рву с ним и продолжаю периодически работать в нем.

В. КАНЦЕЛЬ

дуся люди, которые не повяли «Леса».

Но это отнюдь не значит, что «Лес» не имел противников. В правых театральных кругах возмущалась «издевательством» Мейерхольда над Островским. Покойный А. Р. Кутейко, в своей статье утверждая, что А. И. Южин «сообщается выступать в качестве представителя общества драматических писателей в защиту авторского права», восклицал: «До какого презрения к основным понятиям культурного общества мы дошли. Взять одно из произведений русского классика, извратить, ободвинуть, накуралесить, насмеяться... Это вывоз, павок в лицо русской культуры...»

На самом деле «Лес» как раз имел большое культурное значение как блестящий опыт революционного прочтения классика и как спектакль, оказавший сильнейшее благотворное влияние на советский театр — профессиональный и самодеятельный. Театры на этом спектакле учились социально-заостренному вскрытию текста, аркой подлинно-народной театральности и неустойчивой изобретательности в приемах постановки и игры. От влияния «Леса» не ушел и такой театр, как МХАТ («Горячее сердце») и значение это не могут умалять те режиссеры и актеры — вульгаризаторы, которые лишь поражают внешне воспринятым ими приемам Мейерхольда, не понимая их сущности.

Общественный успех «Леса», сила его воздействия определяются уже одним фактом его исключительной живучести. Это единственный из спектаклей советского театра, прошедший за 10 лет свыше 1000 раз. Он никогда не сходил с репертуара, он фигурировал почти во всех гастролирующих поездках, в том числе и в заграничной. Простота и портативность оформления позволяла использовать его и для многочисленных выездных спектаклей — в клубах, парках и т. д.

«Лес» прекрасный образец правильного применения традиций старинных народных театров для создания революционного спектакля. Элементы русского балагана, испанского театра (кроме уже отмеченных черт надо указать и на усиленные напряжения интриги и на частое изменение эмоциональной окраски спектакля в результате чередования комедийных и драматических сцен, присущего также английскому театру времен Шекспира), итальянской комедии масок (фигуранты — «слуги просиенуза», а также некоторые шутки, свойства комедии) и др. — в органическом сочетании немало помогли созданию одного из значительнейших явлений советского театра.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ.

В юбилейном спектакле «Лесом» 19 января 1934 г. играют восемь участников премьеры: Игорь Ильинский (Счастьяцев), Зинаида Райх (Акуша), Е. Тилькина (Гурмыжская), В. Ремизова (Улита), Н. Сибиряк (Карп), С. Козиков (Отец Евгений), В. Маслаков (Турка) и М. Макаров (партия гармоник). Должна быть отмечена также работа других исполнителей ролей Счастьяцева и Гурмыжской — Л. Свердлов и Н. Твердышев, игравших в «Лесе» свыше 500 раз.

В. КАНЦЕЛЬ

КНИГИ

Я. Ильин «ШЕСТОЕ ЧУВСТВО»

В книге собраны статьи, очерки и заметки, написанные Я. Ильиным в процессе его работы на решающих участках социалистического строительства в качестве организатора, руководителя и писателя.

Все они — не результат наблюдения, а часть этой работы, не констатация наблюдателя, а оружие участника. Книга в целом так ясно, так напряженно, так ярко устремлена, так многообразна и вместе с тем так целостна, что может служить великолепным образцом подлинного участия журналиста в деле, за которое он борется.

Борьба за социалистическую технику, за план, за культурный, за трудовой быт, за уверенность в завтрашнем дне, и шестое чувство — чувство хозяина, страны, гражданина мира, чувство социализма — таково мировоззрение, которым проникнута эта книга. Книга всако-

ленно написана. Настоящий темперамент, с каким сделана в ней каждая строка, далекая от патетических завываний присяжных трубадуров-обозревателей.

Этот человек знает, за что он борется. Его план перестройки мира был продуман и проработан до мелочей. И этот план был конкретизацией линии партии на каждом данном участке. Таково убеждение, которое создает у читателя эта книга.

И бесспорен вывод, к которому приходит автор предисловия к книге Г. Васильевский.

Понимание молодых партийных журналистов и публицистов могут и должны на ней почерпнуть, как вооружение.

Г. М.

Огня «Молодая гвардия», 1933, стр. 167, п. 1 р. 25 к. п. 75 к.

В. Некрасов «СОМНЕНИЕ»

Нельзя автору этой книжки отказать в известной остроте зрения и литературной грамотности. Но все же его рассказы относятся к среднему, если позволительно так выразиться, типу литературы. Отличительная особенность автора в крайней ограниченности идеального кругозора, в неумении схватить самое существенное в изображаемой действительности, выделить и художественно обобщить наиболее значимые социальные явления.

Вот почему советская деревня у Некрасова (тема пяти рассказов из шести вошедших в сборник) не выступает перед нами во всем существе своих социальных потрясений, во всей сложности сдвигов происходящих в ней, вот почему деревня, фигурирующая в рассказе, написанном в 1930 г., и деревня, изображаемая Некрасовым в последующие годы — в 1931 — 1933 гг., ничем не отличаются друг от друга. Времени кажется, что процесс коллективизации представляет автору процессом мирным, едва ли не идиллическим, ничто общего с классовой борьбой не имеющим; легко уступают старые отношения дороге новым, легко переделываются.

Эта простота обнажения приема стала возможна только при графическом оформлении. Живописная трактовка не имела бы этой художественной тонкости и самый прием превращал бы в комическую нелепость или в вульгарность провинциального любителя.

Обнаженность приема, глубокая соответствующая шекспировской драматургии, тонко продумана и в другом случае, когда на сцену выступают вертикальные панно с деревьями и влетают в монументальную архитектуру сквозных арок и колонн, превращают пейзаж Оливи в пышный сад. Напряженная динамика шекспировских пьес требует такой быстроты перемены явлений, что в эпоху Шекспира довольствовались для локализации действия простыми надписями: сад, город, замок и т. д. Здесь использован этот же прием в изобразительной трактовке, причем все панно деревенского образца еще больше усиливают впечатление, влетая в комедийную интригу, укрупняются действующие лица.

Эта редкостная изобретательность и находчивость проявляются повсюду: от оформления сцены до отдельной детали костюмов. Но есть некоторые недостатки и у Фаворского. Не будь этой блестящей, почти феерической удачи, когда весь спектакль оформлен в мажорных тонах как радостный праздник и пронизан глубокой лиричностью цвета и образов, на них стоило бы остановиться.

Эти недостатки являются следствием некоторой предвзятости Фаворского, как и зашифтованной теорией Фаворского, которая является основным тонусом всего оформления шекспировской комедии.

МАСТЕР Советской ГРАФИКИ

Фаворский является в советском искусстве представителем определенной стилистической формации. Его влияние распространено не только на его непосредственных учеников в области графики, но и на художников смежных областей изобразительного искусства.

Но значение Фаворского особенно велико в современной графике, где он по праву занимает командное место среди лучших европейских мастеров.

Фаворский вернул деревянную графику, пережившую злоключения импрессионистских завитков и индустриальной тоновой киографии, к ее первоисточнику.

стиственной творческой изобретательности, но часто способствовал раскрытию творческого метода тех писателей, которым ему приходилось иллюстрировать. Это особенно сказалось на его последних нескольких работах.

Так, например, в «Сказках о животных» Л. Толстого («Академия»), где каждое слово ясно и направлено в жесткость, Фаворский дал четкие образы с предельной лаконичностью и простотой, как в детских букварях. Столкнувшись в «Новогодней ночи» Спасского с реальным ощущением действительности и предельностью, ясно выраженным в слове, он поставил основной акцент своих иллюстраций на конкретный объект предмета. На фронтирские «Новогодней ночи» Фаворский изобразил красногвардейца на лошади, у которого как будто отсечена голова. Эта иллюстрация кажется непонятной. Но если представить себе два равнозначных определения: человек на лошади и «свадник», то они должны вызвать два различных пластических образа. Это более реального ощущения этого ассоциативного графического образа Фаворский счет предмет, — в данном случае форму лошади, — что подчеркивает четкость зрительного впечатления.

В сборнике рассказов В. Пильняка («Советская литература»), Фаворский этой четкости и реальности не почувствовал, не нашел их. Пильняк не называет вещи своими именами. Его образы не осязаемы. В них нет ни внутри, ни объема. Они двухмерны, «плоски». И Фаворский мог изобразить их только в черных силуэтах. Так же как в прозе Пильняка художественные образы даны в конкретности и заменены номенклатурой предметов и людей, лишённых плотности и материального бытия, так же они у Фаворского получили выражение мертвого графического инвентаря. Только редкостная изобретательность мастера сумела и здесь найти удачное решение, что не уподобить эти силуэты простым чернильным изображениям и спаять их со свойствами деревянной графики.

Типичным для книжной графики Фаворского является то, что он никогда не иллюстрирует, не поясняет текст, а создает для него межкнижную графическую параллель. Он не старается прорвать текст автора, ни петь с ним дуэтом, первым или вторым голосом. Он лишь стремится к тому, чтобы

вникнуть в строй мыслей и композиции образов автора, чтоб пройти с ним тот же путь, который он сам прошел. Он хочет стать в центре тех событий, которые послужили автору стержнем повествовательного разворота, чтобы самому разрешить их средствами своего искусства.

Фаворский освоил графику от условностей итальянской персептики. Введенный им в графику принцип свободной перспективы не только освобождает его от необходимости строить свои композиции в одновременности и статичности, когда мы воспринимаем явления лишь в уровень человеческого глаза, а дает ему возможность широкого охвата явлений под различными углами зрения и в одновременности.

К тем ценным вкладам, которые Фаворский внес в современную книжную графику, надо отнести и его мастерство архитектурного построения книги. Он первый стал оформлять ее как целостный организм, сохраняя в ней строгое единство стиля от иллюстраций до обложки и шрифта.

Строгий учет материала и специфичности средств каждого искусства внес сейчас Фаворский и в свою работу на театре.

В основу своего оформления шекспировской пьесы «Двенадцатая ночь, или как вам угодно» Фавор-

ский положил графический задник. И смысл его удачи заключается в том, что этот задник не оказался просто станковой графикой, поставленной на сцену. Учиная специфику театра, он дал ему двойное назначение. Графические выдержки, он не ограничивает, не замыкает сцены, а продолжает пространство сценической коробки и придает ей ту бесконечную лауреальную воздушность, которая является основным тонусом всего оформления шекспировской комедии.

В этой лауреи легко дышать. Она располагает к веселью. В ней легко и радостно шутить. И вместо натуралистического ландшафта он дает художественный образ, подчеркивая, что искусство это не слепок с натуры, а отраженная действительность в превращении художника.

Это двойное назначение элементов оформления и игра на театральной физике и реальности происходит через весь спектакль. Фаворский создает графические занавесы, изображающие дома с окнами и дверями как вполне конкретные театральные объекты. Но по ходу действия актер разрушает эту иллюзию и мнет эти дома, как обыкновенные тряпки, когда смена картин требует появления из-за них новых персонажей. Такой изумительный обход традиционной бутылочной комедии нельзя лучше соответствует духу пьесы «Как вам

В. А. ФАВОРСКИЙ

Эскиз декорации к «Двенадцатой ночи» (МХТ П)

удовно». Эта простота обнажения приема стала возможна только при графическом оформлении. Живописная трактовка не имела бы этой художественной тонкости и самый прием превращал бы в комическую нелепость или в вульгарность провинциального любителя.

Обнаженность приема, глубокая соответствующая шекспировской драматургии, тонко продумана и в другом случае, когда на сцену выступают вертикальные панно с деревьями и влетают в монументальную архитектуру сквозных арок и колонн, превращают пейзаж Оливи в пышный сад. Напряженная динамика шекспировских пьес требует такой быстроты перемены явлений, что в эпоху Шекспира довольствовались для локализации действия простыми надписями: сад, город, замок и т. д. Здесь использован этот же прием в изобразительной трактовке, причем все панно деревенского образца еще больше усиливают впечатление, влетая в комедийную интригу, укрупняются действующие лица.

Эта редкостная изобретательность и находчивость проявляются повсюду: от оформления сцены до отдельной детали костюмов. Но есть некоторые недостатки и у Фаворского. Не будь этой блестящей, почти феерической удачи, когда весь спектакль оформлен в мажорных тонах как радостный праздник и пронизан глубокой лиричностью цвета и образов, на них стоило бы остановиться.

Эти недостатки являются следствием некоторой предвзятости Фаворского, как и зашифтованной теорией Фаворского, которая является основным тонусом всего оформления шекспировской комедии.

Этот двойное назначение элементов оформления и игра на театральной физике и реальности происходит через весь спектакль. Фаворский создает графические занавесы, изображающие дома с окнами и дверями как вполне конкретные театральные объекты. Но по ходу действия актер разрушает эту иллюзию и мнет эти дома, как обыкновенные тряпки, когда смена картин требует появления из-за них новых персонажей. Такой изумительный обход традиционной бутылочной комедии нельзя лучше соответствует духу пьесы «Как вам

СЕРГЕЙ РОМОВ

„ЛЮДИ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ“

КОЛЛЕКТИВ ПИСАТЕЛЕЙ ПРИСТУПАЕТ К ЭТОЙ ТЕМЕ

А. М. ГОРЬКИН РУКОВОДИТ РАБОТОЙ

Коллектив писателей, создавший книгу о Беломорском канале, закончил свою работу.

Книга проходит последнюю стадию производственного процесса: закончилась верстка последних листов, готова обложка — серо-голубая с бронзовым медальоном Сталина в правом углу. К партийному с'езду книга выйдет в свет.

А коллектив писателей, создавший ее? Какова его дальнейшая судьба? Дружный, крепко спаянный коллектив, с таким энтузиазмом и на таком подъеме проведенный серьезнейшую работу над книгой о канале им. Сталина, потребовала новой работы. Часть писателей решила принять участие в создании истории метро, принятой редакцией ИФЗ. Но это — основное. Для большого писательского коллектива нужна тема, в работе над которой для каждого нашлось бы место.

«Люди второй пятилетки» — будет называться новая книга, которую коллективно должны создать советские писатели. Коллектив, работавший над сборником о Беломорстрое, будет расширен и пополнен новыми товарищами, квалифицированными писателями и рабочими-авторами.

В беседе с писателями А. М. Горький говорил, что книга должна дать читателю представление о мощном, разнообразном потоке творческой энергии людей, действующих с единой целеустремленностью. Поэтому будущая книга должна охватить не только вторую пятилетку, но дать картину и первой пятилетки, ее достижений в различных областях социалистического строительства.

Задачи эти обуславливают материал, который должен быть собран для книги. Накопление и проработка материала, изучение ряда теоретических вопросов, возникающих по мере его накопления, ознакомление с практическими достижениями науки и техники, связь с научно-исследовательскими институтами, частые встречи и беседы с начальниками политотделов МТС, учителями, специалистами, изобретателями, директорами заводов — словом, обширная и всесторонняя работа писателей — вот что должно предшествовать составлению подробного конспекта, по которому будет создаваться книга.

Если идея книги о людях второй пятилетки так или иначе обуславливает материал, на котором она должна строиться, то материал, в свою очередь, по мере его накопления, будет в большой степени диктовать план самой книги.

После первых двух совещаний писателей (в редакции ИФЗ, где в основном докладом о предстоящей работе выступил Л. Авербах, и 17 января — у А. М. Горького), конторы будущей книги начинают вырисовываться. Споры о том, как подходить к теме, как начинать практическую работу, — в философских и творческих дискуссиях, проходят эти совещания. В этих спорах начинают намечаться пути и линии, по которым будет разрабатываться первоначальный план книги, обводиться ее границы. По мнению коллектива, книга должна строиться на основе философского осмысления идеи большевистского воспитания социалистического человека. Материал, который ляжет в основу книги, идея, которую она будет трактовать, неизбежно сложатся привычные рамки сюжета.

Уточнение всех вопросов, связанных с началом конкретной работы над книгой, будут посвящены ближайшим совещаниям. После них писательский коллектив приступит к сборанию материала.

П. Антология грузинской поэзии. Наркомпрос Грузии готовит к изданию антологию грузинской поэзии на русском языке. Вынесено решение об образовании организационно-редакционного комитета по выпуску этого издания.

«Поэзия Грузии» будет содержать шесть основных разделов: народный эпос, древняя поэзия, феодально-дворянская, буржуазная, демократическая и советская поэзия. Всего до 15 тысяч стихотворных строк. Книга будет выпущена издательством «Советская литература».

Наркомпрос Грузии обратился с просьбой к А. М. Горькому взять на себя председательство в редакционном комитете издания. Первым заместителем председателя комитета назначен наркомпрос т. Белия, вторым должен быть выделен всесоюзный Оргкомитет Союза советских писателей.

Члены Оргкомитета назначены Л. А. Гнигашвили, Гольцев, Деметрадзе, Зуев, Мицишвили, Т. Табидзе, Т. Тихонов, Тынчанов, Пастернак и А. Чкония.

Наша архитектурная эстетика всецело обуславливается архитектурно-строительным планом. Наша архитектура призвана ликвидировать разрыв между фабрично-заводским, индустриальным способом производства и художественным творчеством. Найти потерянное единство техники и искусства, восстановить его на новой основе высокого развития техники может только советская, социалистическая, по своему содержанию, архитектура. Наша архитектурная задача — встает преимущественно как задача объемно-пространственная. Такой она в принципе была на всех классических этапах развития, — здесь встает большая проблема освоения классического наследия в архитектуре.

Подобно остановившись на способе разрешения этой задачи, как и на задаче архитектурного единства, мы должны вернуться к творческим моментам, доклады приходило к выводу, что наша задача, художественное качество нашей социалистической архитектуры не могут быть ни замкнутыми в готовом виде, ни выдуманными теоретическим путем. Они должны являться отражением реального содержания новой жизни.

Следующий декадник был посвящен проблеме образа в архитектуре и живописи. Докладчик т. Алавердов остановился, главным образом, на искусстве Возрождения, на отношении живописи и архитектуры.

Оба доклада вызвали прения, уточняющие некоторые положения, но подчеркивающие в общем ценности докладов и важность дальнейшей разработки затронутых в них проблем.

А. К-ский

Обложка новой книги И. ЭРЕНБУРГА, выходящей скоро в издании «Советской литературы».

В Оргкомитете

К с'езду писателей иностранная комиссия Оргкомитета совместно с ВОКС, выпустил сборник, посвященный советской художественной литературе. Сборник выйдет одновременно на трех языках: английском, французском и немецком. В нем будут помещены статьи: «Основные этапы советской художественной литературы и I с'езд союза советских писателей». «Социалистический реализм — стиль советской литературы». «Горький и литература Страны Советов». «Лицо советской литературной критики». «Работа с молодым рабочим и колхозным автором». «Очерки по истории фабрик и заводов». «Лит. кружок в цеху». «Ученый и писатель». «Литература семи республик» и др. В редакционном сборнике избранные: Л. Чернышевский (ВОКС), Лахути, Нович и Шаюке.

Второй сборник, издаваемый к писательскому с'езду иностранной комиссией и бюро переводной литературы Оргкомитета, — «Критический обзор переводной литературы за 17 лет». В сборнике будут помещены статьи-обзоры о книгах иностранных писателей, изданных в СССР за 17 лет революции, второй раздел «Советская» (обзор переводов книг советских писателей, изданных за границей) и третий — переводы литературы народов СССР на русский язык и переводы литературы народов СССР на языки народов СССР.

Третий сборник к всесоюзному с'езду писателей «Советская художественная литература за границей» — выпускает МТП.

ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ ШАХТЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПИСЬМО ИЗ ДОНБАССА

Еще меньше года назад украинский Донбасс переживал глубокий упадок работы на культурном фронте, а в частности — в области литературы и искусства. Донецкий пролетариат имеет в своей среде художников и музыкантов, артистов и скульпторов, но силы их разрозненны, объединения работников искусства отсутствуют, имевшиеся ранее распались, и здесь, очевидно, придется начать работу сначала.

В литературе положение было неясным. Литературная организация не распалась. В 1932 году начал выходить литературно-художественный журнал «Литературный Донбасс». Но уровень литературного движения был низким, как низким было и качество литературной продукции.

Уже писал о том, что всесоюзный с'езд писателей и кружковцев (ноябрь 1933 г.) явился переломным в литературном движении Донбасса. Литературное оживление сказывается здесь повсеместно и в самых разнообразных формах. В Макеевке, например, одним из наиболее интересных для советского писателя пунктах оно проявляется в первичной форме подъема массового движения на заводах и шахтах, возникновения ряда низовых литературных кружков, выпуска литературы в газетах, а также специальных литстенновок и т. д.

В Донбассе за последнее время возникло интересное явление — политическое движение самодеятельного искусства, вылившееся в форму «политпятиминуток». Название это — крайне неточное, потому что «политпятиминутки» растягиваются порою до «политдесятипятиминуток», а суть их состоит в следующем. Представьте себе шахтнянку, например, бутувскую (Сталинский район), где и зародилась «политпятиминутка». Очередная смена угольщиков ожидает спуска в кювет. Процесс спуска длительный, время для ожидания — вполне достаточное. Представьте себе ранее морозное утро или грядущий вечер, толчею людей, долгие минуты ожидания, ничем не заполненные или же заполненные случайными разговорами, толками и пересудами. И вот — в нарядную входит группа людей. Это — подземные и поверхностные рабочие данной смены, крепильщики, стоевые стартеры, молотильщики, стоевые, проложившие путь под землей своих мужей. Одним словом, это «политпятиминутки». Они начинают разговаривать, петь, декламировать, тшцовать, обмениваясь мнениями, разрозненные мысли и чувства людей, уходящих по дороге. Вначале они читают производственные сводки, сведения о передовых бригадах, лавах и участках и о виновниках отставания, лодырях и бездельниках, называя факты, даты и имена. Они переходят затем к «поэтической злобе дня», говорят о всякого рода неполадках, о столовых, о снабжении рабочих углем, о транспорте, о каубе, о библиотеке. Гар-

монича, ивращаясь вначале туши, начинают иронически поддирать тут же составленным шахтными поэтами стихам. Ни один конкретный виновник зла не остается вне поля внимания — от заваштой до коноуха. А потом идут стихи, песни и пляски. За «Маршем ударных бригад» Гладша следует «Матло», и меняющийся состав шахтеров в нарядной отвечает на выступления аплодисментами, смехом, репликами, притоптыванием в такт пляске.

Стихийно рождавшаяся «политпятиминутка» из шахты Бутова перекочевала на десятки других шахт и завоевала внимание и любовь к себе во многих угольных районах (за заводами она принялась меньше), и здесь начинаются литкружковцы, подуют конкретный объект своей работы, участвуя в составлении текста «политпятиминуток».

«Политпятиминутки» не только вселяет людей, которым предстоит тяжелая подземная работа, — они выполняют большое политическое задание, являясь своеобразной устной газетой, соединенной с самодеятельным концертом. И когда в Сталинском районе начинается массовое, ранее отсутствовавшее, литературное движение, оно с самого начала устанавливает неразрывную связь с «политпятиминутками».

Но, само собою разумеется, все это — лишь первичные ступени литературного движения. Это — те ступени, которые входят в сферу деятельности профсоюзных, несущих ответственность за состояние и работу литкружков (чего не хотят допустить представители литкружковцев отряда Донецкого ОСИП, самокритически бичующие себя на с'езде и вслед за тем позавидавшие о грядущих сделанных обещаниях). Как обстоят дело с литературными кадрами? Задумываются ли и пишутся ли произведения о Донбассе? Это самое важное.

Да, такие произведения задумываются и пишутся. В вышедших из областной партконференции №№ 10-12 «Литературного Донбасса», в специальной газете, изданной к конференции донецким обкомом писателей, в донецком сборнике «Проба» мы встречаем эти (конечно, еще несозревшие) произведения, — встречаем и новые имена. Так, в Луганске работает молодой комсомольский прозаик Марк Чернышевский и пейзажист, а также включен в городской бюджет необходимых сумм для работы сталинской литературной группы. В более отдаленной перспективе предстоит постройка Дома литературы и культуры.

Так понемногу обрисовываются последние контуры зарождающегося опорного пункта развития литературы Донбасса. И в их ряду город Сталино будет, бесспорно, первым.

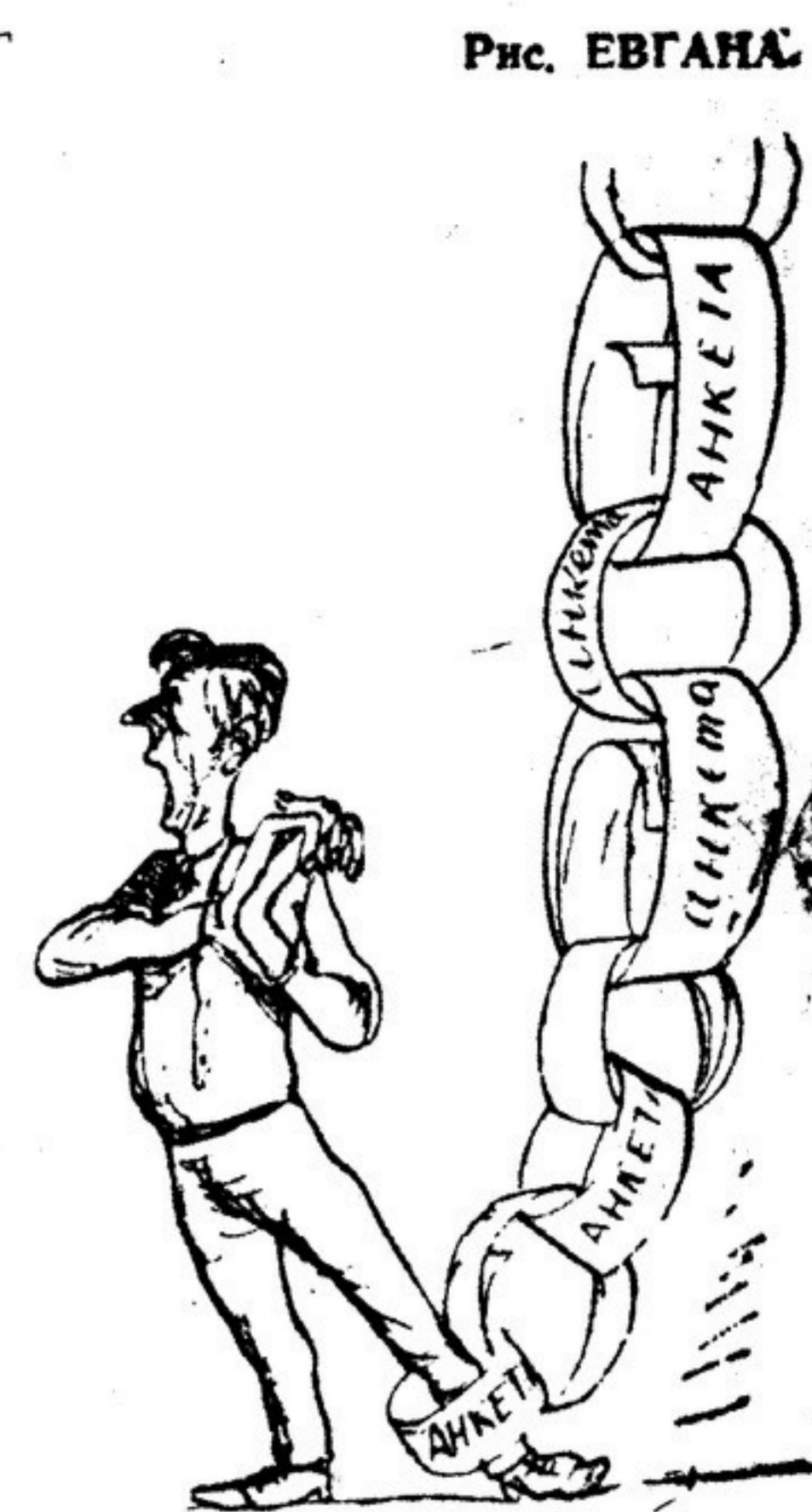
Новые силы приходят в донецкую литературу — это прежде всего нужно констатировать сегодня. Не без трудностей меняют характер своей работы старые кадры писателей Донбасса, освобождаясь от давнейшей их литературщины. По-прежнему (ох, как медленно!) закрепляют свои связи с Донбассом писатели Москвы и Харькова. С Макеевкой связан В. Иванов, в Горловке работает И. Жига, в Кадиевке едет Г. Эрик, в Горловку из Ленинграда приехал И. Бабель. Рано или поздно вернутся в Донбасс участники бригады всесоюзного Оргкомитета И. Касаткин, К. Левин, Я. Шведов, Я. Смирнов. Одной из самых важных задач является сейчас укрепление литературного центра Донбасса в Сталино.

Город Сталино интересен для писателя не только как областной центр и не только как один из старейших промышленных районов Донбасса (прежняя Юзовка). Сталино, как и Макеевка, интересно своеобразным сочетанием угля и металла. Хозяйство района — это комбинат угольно-металлургической промышленности, реконструированного металлургического гиганта и передовых шахт. В Сталино понемногу стекаются литераторы Донбасса и Харькова, — сюда переехали для постоянной работы В. Горин из Харькова, Ю. Чернышевский из Луганска, П. Чебанюк из Лисичанска. Сюда же возвращается из Харькова П. Северов. Ожидается приезд из Москвы в Харькова ряда руководящих литературных работников. Недалеко то время, когда лучшие московские и харьковские писатели будут являться постоянными гостями донецкой столицы.

За последнее время сталинская партийная организация сделала ряд шагов для укрепления местной литературной группы. 5 января состоялся встреча городской партконференции с писателями Донбасса. 10 января у секретаря сталинского горкома КП(б)У т. Ковалева было проведено деловое совещание по вопросам литературы, на котором, между прочим было решено приступить к созданию коллективной книги о столице Донбасса. 11 января президиум сталинского горсовета принял постановление об обеспечении сталинских писателей квартирами и пайками, а также включении в городской бюджет необходимых сумм для работы сталинской литературной группы. В более отдаленной перспективе предстоит постройка Дома литературы и культуры.

Так понемногу обрисовываются последние контуры зарождающегося опорного пункта развития литературы Донбасса. И в их ряду город Сталино будет, бесспорно, первым.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ
Сталино, Донбасс.

УБИЙСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Братьям писателям

Мой телефон — орудие связи — Вчера уби я молотком, И групп его, упавших наземь, Топтал с проклятием каблуком.

Вот объяснение поступку. Простая исповедь моя. С утра звонок. Снимаю трубку. — Алло! У телефона. Я.

Мне в ухо вежливо гуносит. Далекий женский голосок. Он убедительнейше просит Дать для журнала пару строк.

Увы! лишь парочку. Анкета. О текстах песен для басов. Пожалуйста. Мы ждем ответа Сегодня же до двух часов.

Увы! анкета беда начала. Вслед по пятам второй звонок. Из трубки что-то прокричало: — Как вы относитесь к кино?

Алло! Алло! Не ваша сфера? Квартите! что? Прислать кюрьера. Строк восемь! — десять. Ждем. Пока.

Опять. Как из пустой катушки. Вызвать глаухой чей-то бас: — Какие нам нужны игрушки? Ответ немедленно, сейчас.

За басом требует ответа Какой-то бойкий тепонок: — Травма, метро и роль поэта. По телефону. Пару строк.

Писать? Работать? Но куда там. Ежеминутно рвут меня. — Как вы относитесь к изданию? Не позже завтрашнего дня!

Звонки. Полпрыгивает трубка. Я тоже. Нас пронзает ток. И вот для страшного поступка Я взял ужасный молоток.

Мне чудится вопишь: действуй! Зубовный скрежет. Взмах руки... К несчастью, были далеки.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

Что нового?

● К ленинским дням секция литературы и языка Научно-исследовательского института марксизма-ленинизма выпускает книгу Астахова и Леднева «Ленин и художественная литература» в 5 печ. листов. К с'езду писателей готовится большая книга «Очерки уральской литературы» в 20 печ. листов.

● В ответ на вызов пионеров и школьников села Новой Уды Музыкин обзавелся в урядном порядке сборник бурятских песен на советскую тематику и ряд массовых песен о новой социалистической Сибири.

● По приглашению Начальника подотдела Буткинской МТС (Уральская область) т. С. Подольского в район деятельности МТС на днях выехала возглавляемая В. Вишневым бригада драматургов в составе А. Булко, Н. Зархи, Б. Алперса и Г. Гайковского. Бригада побывает также в Свердловске, где установит связь с театрами и драматургическими кадрами Урала. Намечаются доклады В. Вишневого — по творческим вопросам и Б. Алперса — о современных театральных течениях и о московском театральном сезоне.

● Кабинет рабочего-автора Профиздата созывает к XVII с'езду партии читательскую конференцию. На конференции будет проведена обсуждение книг молодых авторов: Авдеев «Я люблю», Тома «Хочу смеяться», сборника молодых авторов «Издаем пробу».

Предварительно кабинет рабочего-автора организует обсуждение этих произведений на «Шарикоподшипнике», автозаводе им. Сталина и др.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ — ПИСАТЕЛЯМ

В процессе своей работы писатель часто ощущает необходимость компетентной научной консультации ученого, специалиста, инженера.

Сектор по организации творческой работы Оргкомитета ССП для обеспечения писателя такой консультацией, кроме ряда встреч писателей и ученых, налаживает деловой контакт со многими научно-исследовательскими институтами. Связь писателей с институтами будет состоять в посещениях институтов, получении информации и ознакомлении с интересующим разделом исследовательской деятельности института. Будет организован ряд индивидуальных консультаций.

Писатели, заинтересованные в таком деловом контакте с представителями науки и техники, могут подать свои заявки, по какому разделу они хотят получить индивидуальную консультацию (ул. Вороцкого, 52, ком. 11).

ТЕАТР

А. С. Серафимович совместно с режиссером Охлопковым переработал свой роман «Железный поток» в пьесу. Ее ставит московский театр «Красная Пресня».

Включившись в поход им. XVII с'езда, коллектив театра взял обязательство показать «Железный поток» 25 января. По плану премьеры намечалась в марте.

Архитектурные декадники

Последний период развития советской архитектуры проходит под знаком двух важных событий. Постановлением ЦК партии от 23 апреля относится к перестройке архитектурных организаций. С другой стороны, архитектура на новом этапе получила определенные установки о превращении Москвы в мировой центр, в красивейший город мира, о постройке такого мирового памятника, как Дворец Советов и т. д. Все это выдвигает перед советской архитектурой новые задачи — и, главным образом, задачу борьбы за художественное качество.

В чем же сущность этих задач советской архитектуры? Об этом говорил на одном из последних декадников архитектурного о-ва в обстоятельном докладе т. Маца. Поднятие художественного качества советской архитектуры неразрывно связано с ее специфическим характером, отличающим ее от архитектуры других стран. Основные моменты этой специфики заключаются в том, что советская архитектура включена органически в единый народно-хозяйственный план. Она обслуживает быт трудящегося населения на основе социалистической реконструкции этого быта. Она вырастает на основе новой технической базы и является выражением единого мировоззрения победившего пролетариата.

Охарактеризовав архитектуру предшествующих эпох — византизм, барокко и рококо, докладчик, перейдя к архитектуре капитализма, устанавливает, что последние доводы до крайней точки тенденцию более ранних эпох, которая шла по линии индивидуализации архитектурной единицы. У нас же не может быть замкнутых в себе, не считающихся с окружением еди-

нич. Наша архитектурная эстетика всецело обуславливается архитектурно-строительным планом. Наша архитектура призвана ликвидировать разрыв между фабрично-заводским, индустриальным способом производства и художественным творчеством. Найти потерянное единство техники и искусства, восстановить его на новой основе высокого развития техники может только советская, социалистическая, по своему содержанию, архитектура. Наша архитектурная задача — встает преимущественно как задача объемно-пространственная. Такой она в принципе была на всех классических этапах развития, — здесь встает большая проблема освоения классического наследия в архитектуре.

А. К-ский

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

„Литературной газеты“

С 15-го января „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“

Выходит 15 раз в месяц, во второй половине января выходит 8 номеров, всего в январе будет выпущено 10 номеров

Ввиду увеличения периодичности выхода газеты, сроки уже принятой подписки округляются следующим образом:
Подписавшиеся на 1 и 2 мес. — газета высылается в течение 1 месяца.
Подписавшиеся на 3, 4 и 5 мес. — газета высылается в течение 3-х мес.
Подписавшиеся на 6 и 7 мес. — газета высылается в течение 5 мес.
Подписавшиеся на 8, 9 и 10 мес. — газета высылается в течение 6 мес.
Подписавшиеся на 11 и 12 мес. — газета высылается в течение 6-ти мес.
Настоятельно просит подписчик учесть, сокращение сроков подписки и заблаговременно возобновить свою подписку, чтобы не иметь перерыва и получения газеты.
Подписная цена устанавливается: 12 мес. — 30 руб., 6 мес. — 15 руб., 3 мес. — 7 руб. 50 коп., 1 мес. — 3 руб. 50 коп.
Цена отдельного номера в розничной продаже — 30 коп.
Подписка принимается: Москва, 6, Орловский бульвар, 11 и всеми отделениями Союзпечати и почты.
В розницу требуется газету во всех киосках Союзпечати.
Всем отделениям Союзпечати и доставочным почтовым отделениям предлагается сократить сроки доставки „Лит. газет“ и соответствия с этим объявлением.
ЦУРП СОЮЗПЕЧАТИ.

Х VII ПАРТС'ЕЗДУ

ВЫПУСКАЕТСЯ СПЕЦИАЛЬНЫМ ЖУРНАЛОМ

РОСТ

Номер выходит в ульяновском обкомком в количестве 125 страниц

В НОМЕРЕ ПОМЕЩЕНЫ: Статьи Е. Довганя — «Литературное искусство», раскаяния, отклики и стихотворения Ю. Германа, Е. Домашевского, И. Кавыкина, Г. В. Олдрова, В. Келеского, в др. Массовое литературное движение готовится к XVII партс'езду. Кратко описаны лучшие произведения восточных республик.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 9 ЖУРНАЛА

„ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА“

издательница А. М. ГОРЬКОГО

Редакторы: М. Горький, В. Гурдеев, В. Давыдов, Е. Довганя, Г. Довганя, В. Кирпичник, А. Селивановский, Д. Трусов

УЧЕБА У КЛАССИКОВ
Л. Митковская — Чехов — мастер малого рассказа. М. Елизарова — Чеховский рассказ и газетная тропея. А. Алексеев — Русские зарисовки в крестьянские шпалеры XIX века о своем детстве. (Обзорная).

ЯЗЫКИ И СТИЛЬ
П. Павленко — Как я писал «Баррикады». И. Виноградов — О сюжете

МОЛОДЫЕ КАДРЫ
Н. Никитин — Необходимые условия молодого драматурга. К. Алтаевский — Поэт Метелл Горького на альпийских пастбищах писателя.